О МЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОЛИДАРНОСТИ

УДК 140.8

Н. И. ГУБАНОВ, Н. Н. ГУБАНОВ

По мнению Э. Дюркгейма, социальная солидарность служит главной силой, сплачивающей общество, создающей общественное целое, обеспечивающей его стабильность и прогресс [1]. Важная роль в обеспечении солидарности принадлежит менталитету, или ментальности, индивидов и социальных групп. Всё, что влияет на активность человека – экономические и политические интересы, религиозные, эстетические, нравственные убеждения, профессиональные знания, представления о своих способностях и внешности – всё это и многое другое на уровне субъективности представлено в менталитете – «социально-психологическом паспорте» субъекта. Под менталитетом мы будем понимать возникшую на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта систему качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности; эта система *детерминирует специфический характер* восприятия мира, эмоционального реагирования, речи, поведения, деятельности, самоидентификации субъекта, обеспечивает единство и преемственность существования социальной общности, а также стимулирует социальный прогресс посредством продуцирования культурных новаций [2].

Носителем менталитета является индивидуальный или коллективный субъект. В первом случае менталитет – это то, что отличает в социально-психологическом плане одного человека от других. Во втором случае признаки менталитета показывают, что общего в духовном мире группы и что отличает её от других групп. Особенности, составляющие групповой менталитет, по отношению к группе (например, нации) выступают как общее, а по отношению к более широкой общности (скажем, населению всей страны или всему человечеству) – как единичное. Изучение менталитета предполагает идентификацию признаков различных субъектов, их сравнение и выявление особенностей субъектов. Если сравнение не производится, то это есть изучение сознания, психики, бессознательного, духовного мира, но не менталитета. Кстати, модным стало использование термина «менталитет» как синонима сознания, психики, либо их элементов и уровней, что, конечно, непродуктивно. В процессе осознания субъектом своих ментальных особенностей и сравнения их с особенностями других субъектов происходит идентификация – отнесение себя к определённой социальной группе («я – русский», «я – гражданин России»). А это формирует чувство солидарности и вытекающее из него стремление оказывать моральную, материальную и организационную поддержку членам своей социальной группы.

Э. Дюркгейм в своей концепции механической и органической солидарности [1, с. 18,57–58] учитывал только то, что мы будем именовать конструктивными сходствами и конструктивными различиями. Мы же будем учитывать, что при взаимодействии индивидуальных и групповых субъектов функционируют четыре пары ментальных особенностей: конструктивные сходства (например, общие ценностные ориентации, идеалы и др.), деструктивные сходства (агрессивность, раздражительность, нетерпимость критики и др.), конструктивные (комплементарные) различия (образный и понятийный способы мышления, различающиеся технологии и др.), деструктивные различия (противоположные ценностные ориентации, взаимоисключающие идеалы и др.). *Конструктивные сходства и различия способствуют интеграции социума, а деструктивные – его дезинтеграции. Чтобы повысить притяжение между какими-либо субъектами, мы должны увеличивать конструктивные сходства и конструктивные различия, уменьшать деструктивные сходства и деструктивные различия.*

Трудность в обеспечении общественной солидарности состоит в том, что менталитет социума неоднороден. Любой социум полиментален. Для понимания некоторых существенных моментов развития общества особенно важно выявить характеристики менталитета интеллектуальной, или духовной, элиты, менталитета народных масс и менталитета политической, или властной, элиты, а также раскрыть взаимодействие этих форм ментальности. Элита –

это социальная группа, продуцирующая определяющие для развития социума новации во всех его сферах и выполняющая наиболее важные управленческие функции. Главными конструктивными сходствами между всеми тремя группами должны быть единые цели, переживания, желания, связанные с укреплением страны, её благосостоянием и процветанием. Духовная элита, включающая в себя нравственную, художественную, философскую, научную и информационную элиту, – слой общества, который продуцирует наиболее важные новации в сфере науки, экономики, техники, искусства, морали, права, политики, коммуникации.

Благодаря своему менталитету, главной спецификой которого служит доминирующий в нём креативный компонент, духовная элита творчески и квалифицированно культивирует высшие ценности социума, обобщает опыт мировой истории, производит взаимопроникновение высших достижений национальной и мировой культуры и вводит новые смыслы, способные интегрировать общество на основе новых конструктивных сходств. Она осмысливает и переосмысливает идеи, лишь наметившиеся в сознании народа. По мере того, как массы воспринимают новые смыслы, укрепляется в обществе и солидарность по *конструктивным сходствам*. В этом и проявляется позитивный результат взаимодействия менталитета духовной элиты и менталитета масс. Массы тянутся к духовной элите и на основе *конструктивных различий*. Когда массы видят со стороны духовной элиты красоту слова, силу мысли и благородство духа, то они испытывают симпатию к представителям духовной элиты, восхищаются, гордятся ими и следуют за ними.

Важнейшая функция духовной элиты, по мнению А. С. Ахиезера, заключается в адекватной интерпретации массовых инверсий – таких ходов мысли и их результатов, которые связаны с абсолютным противопоставлением полярностей в различных сферах бытия, признанием противоположностей абсолютно несовместимыми [3]. Для духовной элиты всех стран преимущественно характерен диалектический стиль мышления, называемый сейчас медиацией. Она отличается отказом от абсолютизации противоположностей, вниманием к их взаимопроникновению, стремлением к синтезу полярных утверждений. Медиация – творческий, рефлективный процесс, порождающий культурные новации – новые смыслы срединной культуры, служащие потенциальными конструктивными сходствами.

Инверсия как доминирующий стиль мышления масс является логической формой самого простого способа принятия решения, заключающегося в простом выборе между двумя вариантами. При столкновении двух альтернативных идей (например, любовь – ненависть, порядок – хаос, оптимизм – пессимизм, свобода – ограниченность, демократия – авторитаризм и т. п.) в случае инверсии люди ищут выхода путём принятия одной из этих альтернатив. В результате инверсий происходит постоянное накопление и обострение деструктивных различий, и если этот процесс не будет контролироваться, то будет расти социальная напряжённость. При медиации происходит поиск сочетания этих идей и их синтеза. Инверсивное мышление оперирует лишь готовыми решениями и находится под влиянием эмоций. Медиативное же мышление связано с творческими усилиями по созданию новых идей. В этих идеях деструктивные ментальные различия преобразуются в конструктивные различия и сходства, что даёт стимулы к прогрессу.

Функции духовной элиты – порождение новых культурных смыслов и внесение их в массы – создают для неё, по словам А. С. Ахиезера, две смертельные опасности. Первая из них – резкое возрастание деструктивных различий, взаимного презрения, именуемых обычно расколом с народом, который массовым сознанием может рассматриваться как отпадение, превращение духовной элиты в носителя мирового зла. В результате само существование духовной элиты становится фактором роста дискомфортного состояния, что грозит ей уничтожением. «Гибель духовной элиты, изоляция её от общества может быть аналогична потере человеком разума в сложной ситуации... *Раскол не происходит в тех странах, где существует диалог духовной элиты с массовым сознанием*, где результаты творчества каждой из частей общества постоянно осваиваются другими частями и масштабы приемлемых новшеств, шага новизны постоянно расширяются» [3. с.191–192].

Вторая опасность для духовной элиты – партиципация, слияние её с народом, её

отказ от своих специфических ценностей и принятие ценностей массового менталитета. Партиципация – это результат перехода конструктивных различий в деструктивные сходства. В данном случае менталитет духовной элиты опускается до уровня массового менталитета и, следовательно, теряет свою специфику, а элита превращается в псевдоэлиту и даже может провозглашаться ненужной. Действительно, если массы чувствуют, что им не могут преподнести ничего нового, красивого, высокого, то у них создается впечатление о полной бесполезности духовной элиты как специфической группы. Последствием этого является исчезновение или ослабление конструктивной напряжённости, которая имеет место в дуальных оппозициях «духовная элита – властная элита», «духовная элита – народ», «властная элита – народ». Во всех случаях это означает исчезновение, крайнее ослабление социокультурного механизма, обеспечивающего напряжённое стремление духовной элиты, правящей элиты и народа к высшим ценностям национальной и мировой культуры во всех её формах. В результате замены духовной элиты псевдоэлитой в обществе исчезает основной источник позитивных культурных новаций и стимул социального прогресса. Вместо деятелей духовной элиты выдвигаются лидеры серого (по выражению Ахиезера) творчества – представители псевдоинтеллектуальной элиты типа Т. Лысенко, Т. Гайдара, А. Чубайса, Б. Немцова. Серое творчество – это инновации, не выходящие за разрешённый в данном обществе шаг новизны.

Кроме догматизма, инверсионной логики (того, что в отечественной философии 20 в. обычно называли метафизическим способом мышления), интолерантности, одной из характерных ментальных особенностей представителей псевдоэлиты является повышенная агрессивность, направленная против настоящей духовной элиты. Восстановление духовной элиты и установление ею продуктивного диалога с правящей элитой и народом – длительный и трудный процесс.

Менталитет духовной элиты отличается от менталитета не только масс, но и от менталитета политической элиты. Духовная элита нацелена на решение перспективных основополагающих проблем жизни, на поиск высших ценностей. Она прогнозирует пути развития нравственных идеалов общества, разрабатывает новые конструктивные смыслы. Властная элита помогает внедрению этих новых смыслов, обеспечивая информационно-коммуникативными ресурсами духовную элиту. Если в менталитете интеллектуальной элиты преобладает креативный компонент, то в менталитете правящей элиты особенно выражен праксеологический компонент. Правящая элита – это группа лиц, сосредоточившая в своих руках высшую власть, высшие функции управления, направленные на интеграцию общества. Правящая элита превращает полученные духовной элитой результаты интерпретации в актуальную повседневную практику, в оперативную деятельность. Она решает повседневные проблемы, направленные на стабилизацию общества и преодоление дезорганизации. Но основная деятельность правящей элиты должна быть ориентирована на создание конструктивных различий в обществе, она должна разводить конфликтующие группы посредством принятия нового прогрессивного законодательства, регулирующего деятельность групп и учитывающего в какой-то мере интересы всех их посредством разделения функций между ними.

Правящая элита, балансируя между двумя социальными полюсами, должна поддерживать связь как с народными массами, так и с духовной элитой. Как и для духовной элиты, для неё характерны две большие опасности. Первая из них – чрезмерное отделение от народа в результате роста деструктивных различий, чрезмерного расхождения менталитета правящей элиты с массовым менталитетом, особенно в мотивационной части менталитета, то есть в понимании ценностей и целей бытия. Крайним случаем может быть принятие правящей элиты массовым сознанием за воплощение мирового зла, что, в свою очередь, может приводить к социальному взрыву.

Вторая опасность – партиципация на основе возрастания деструктивных сходств с массами. Она проявляется в стремлении власти слиться с народом, проникнуться почвенными, догосударственными иллюзиями, верой в способность народа после ликвидации бюрократии навести полный порядок, достичь изобилия, перегнать все страны и т. п. За полное заполнение менталитета правящей элиты ценностями и установками массового сознания правящая элита расплачивается ослаблением связи с духовной элитой на фоне ослабления

конструктивных различий между ними. При определённых условиях может происходить полный разрыв между правящей и духовной элитой и неизбежным при этом снижением компетентности решений и эффективности управления социумом.

При этом правящая элита лишается разума, веры, красоты, а духовная элита — преобразующей социум силы. Различие менталитетов элит постоянно стимулирует возникновение конфликта между ними, который, однако, периодически сменяется стремлением правящей элиты использовать творческую энергию духовной элиты для решения своих проблем по интеграции общества. В случае глубокого конфликта между правящей и духовной элитой может происходить подавление последней, что в истории находило выражение в виде изгнания неугодных деятелей культуры, помещения их в монастырь, тюрьму или психиатрическую лечебницу, лишения права публиковать свои сочинения, а в крайних случаях — в виде физического уничтожения. При тоталитарных режимах отношения между правящей элитой, духовной элитой и народом принимают извращённый характер: духовная элита подавляется и уничтожается; возникает духовная псевдоэлита, которая вместе с интеллигенцией занимается серым творчеством; право быть источником новаций признаётся за верхушкой правящей элиты и в крайних случаях тоталитаризма даже за одним лицом — верховным правителем, вождём. Вспомним: «...С песнями, борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идёт». Принятие правящей элитой или диктатором несвойственной им креативной функции служит одной из причин негативных явлений в обществе. *Сказанное позволяет сделать вывод о том, что благополучное состояние общества и его устойчивое развитие возможны при условии сохранения специфики менталитетов духовной элиты, правящей элиты и народных масс.*

Источником конструктивной напряжённости в обществе служат не только конструктивные различия в менталитетах масс, духовной и политической элит, но и конструктивные различия в менталитетах других социальных групп — профессиональных, территориальных, возрастных, административных, этнических. Существование ментального разнообразия и конструктивных ментальных различий создаёт возможность для экзистенциального диалога и порождения в его процессе культурных новаций. Системы тем устойчивее, чем выше их разнообразие, так как в разнообразии элементов потенциально содержатся формы приспособления к различным вариантам будущего. Разнообразие системы делает её устойчивой к многовариантному будущему. Социум характеризуется различными видами разнообразия. Особое место среди них занимает ментальное разнообразие, поскольку именно оно через различные формы диалога стимулирует возникновение культурных новаций. Поэтому в обществе необходимо создавать условия для существования этого разнообразия. Необходимым условием сохранения культурного разнообразия на планете является воспитание у людей толерантного отношения к другим менталитетам. Требуется культивирование в системах образования, воспитания разных типов и уровней уважительного отношения к своеобразию духовного склада стороннего человека, преодоление стихийно возникающей иллюзии, что все должны видеть и понимать мир именно как я.

Признавая необходимость наличия ментальных различий в обществе, надо вместе с тем иметь в виду, что ментальные различия между социальными группами должны быть конструктивными и не чрезмерно деструктивными. Последние могут порождать антагонистические противоречия, вражду и насилие. Это может касаться отношений между духовной и правящей элитой, между духовной элитой и народом, между правящей элитой и народом, между этносами, территориальными и профессиональными группппами. Поэтому для обеспечения единства социума и его успешного развития менталитеты этих социальных групп должны иметь определённую общность. *В целом необходимо оптимальное соотношение, или мера, ментального различия и сходства социальных групп, обеспечивающая, с одной стороны, поддержание конструктивной напряжённости и порождение культурных новаций в процессе экзистенциального диалога, а с другой стороны, эта мера не должна приводить к конфронтации и насилию.* Нарушение этой меры, её отклонение в ту или иную сторону способно вызывать негативные последствия в обществе: либо его стагнацию, либо конфронтацию, которая в крайних случаях может переходить в самоуничтожение в ходе гражданской войны.

В настоящее время в отечественной и особенно в зарубежной литературе интенсивно обсуждается проблема мультикультурализма. Раньше, до 70-х годов 20 в., в эмигрантских странах (Канаде, Австралии, США) при обсуждении вопросов о взаимодействии различных этносов имела место идеология «плавильного котла» и политика ассимиляции, направленная на стирание культурных различий во имя общих ценностей. В последние 2 десятилетия прошлого и в начале 21-го в. эта идеология была подвергнута справедливой критике. Так, французский учёный М. Вевёрка отмечал, что в условиях 21 в. ассимиляция может рассматриваться как разновидность нового расизма. По его мнению, «сообщить группе, что её идентичность должна исчезнуть и раствориться, равносильна её дискредитированию, отрицанию и презрению, рассмотрению её как опасности» [4, с.20–21].

Под влиянием критики на смену концепции ассимиляции в начале 21-го в. пришла концепция мультикультурализма – признания и поддержания культурной отличительности и многообразия в рамках единого национального государства. Вначале сформировалась модель «мозаичного», «фрагментарного», радикального мультикультурализма, рассматривающего общество как совокупность автономных и конкурирующих друг с другом культурных сообществ. В этой модели группы людей и культуры сосуществуют друг с другом подобно компонентам мозаики, сохраняя жёсткие границы. Данная модель мультикультурализма была подвергнута критике, в которой, в частности, отмечалось, что он создаёт угрозу единству страны и нарушает либеральный принцип приоритета прав индивида в пользу коллективных прав (замыкая индивида в группе и не давая ему культурного выбора). Кризис концепции радикального мультикультурализма показали массовые беспорядки, произведённые иммигрантами во Франции и Великобритании в последние годы.

Поэтому сейчас возникает новый вариант – вариант интегративного, демократического мультикультурализма. Этот вариант предполагает признание культурных прав для различных меньшинств *при условии принятия ими общих для всего данного социума ценностей и законов*. В отношении России Л. Р. Низамова отмечает: «Выявлены преимущества стратегии культурного плюрализма по сравнению с иными вариантами политики в отношении мигрантов... Плюралистическая интеграция сводит к минимуму маргинализацию и геттоизацию иммигрантских сообществ, противодействует распространению ксенофобии, расизма и негативных антииммигрантских стереотипов» [5, с.84].

С позиций нашей концепции взаимодействия различных менталитетов в обществе, идеология ассимиляции не соответствует положению о мере необходимого для прогресса различия менталитетов цивилизаций; модель «мозаичного» мультикультурализма, напротив, игнорирует положение о мере нужного ментального сходства. Вариант интегративного мультикультурализма соответствует закону меры ментального различия и сходства социальных групп как условию прогресса. Этот вариант и должен быть положен в основу этнической политики России и других стран. Разумеется, реализация этой политики – чрезвычайно трудное дело. Задача философских и социологических исследований заключается в том, чтобы обозначить границы меры сходства и меры различия менталитетов различных этносов и других социальных общностей.

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М. : Наука, 1990.
2. Губанов Н. Н. Менталитет и его функционирование в обществе [Текст] / Н. И. Губанов // Философия и общество. – 2006. – № 4; Губанов, Н. Н. Менталитет и образование в системе движущих сил развития общества [Текст] / Н. И. Губанов // Социология образования. – 2010. – № 1.
3. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т.II. Теория и методология. Словарь [Текст] / А. С. Ахиезер. – 2-е изд. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
4. Вевёрка М. Формирование различий [Текст] / М. Вевёрка // Социологические исследования. – 2005. – № 8.
5. Низамова Л. Р. Российские и западные трактовки мультикультурализма [Текст] / Л. Р. Низамова // Социологические исследования. – 2009. – № 10.